

16+

Евгения Черноусова

Тридцать три несчастья

Евгения Черноусова

Тридцать три несчастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63482576

SelfPub; 2020

Аннотация

Жила Любочка, девочка-персик. Сок из неё давили, кожуру повредили, мякоть съели. И стала Любочка девочкой-косточкой. Сок из неё не выдавить, за бочок не ущипнуть. Сердцевина надёжно защищена, зубами не разгрызть, бей молотком – выскользнет. Близкими предана, но на предательство не способна. На добро добром откликается. Может насилию противостоять, с бандитами сразиться, может закон нарушить, но и преступление раскрыть.

Содержание

Пролог	4
Болезнь	11
Бог из машины	26
Харассмент	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Евгения Черноусова

Тридцать три несчастья

Пролог

– Динька, тяжело же!

– Мам, я спортсмен!

Подросток тащил две здоровущие потрёпанные коробки, прижав их к себе и придерживая подбородком. Молодая женщина в белой панамке, белой футболке и цветастых капри, повесив довольно объёмную сумку на плечо, несла два чёрных мусорных мешка.

– Что это вы мусор не в том направлении несёте? – выглянула из окошка консьержка.

Мать с сыном переглянулись и рассмеялись.

– Точно, мусор! Но для некоторых дам это просто сокровища!

И мальчик слегка присел, дав возможность старушке увидеть содержимое верхней коробки. Она ахнула. Мальчик пошёл к лестнице, а женщина задержалась, поясняя:

– В первом корпусе семья разъезжается. Книги интеллигентно вынесли к подъезду, на мусорку не потащили. Мы идём, а тётя Наташа десятитомник Шишкова несёт. В общем, что посолиднее, уже расхватали, а лёгкое чтиво – вот

оно! Я так понимаю, вы тоже любительница? Мы брали всё подряд. Сейчас тётушка рассортирует, и что читано, я вам занесу на обратном пути, если желаете!

– Ой, как вы меня обяжете!

В коридоре мама на сына зашипела:

– Ну что ты так коробками громыхнул! Может, бабушка спит!

– Да не сплю я, – шаркая, вышла из распахнутой двери спальни высокая старуха. – Я вас жду! Уже час жду!

– Ну, задержались мы немножко, тут люди книги предложили. Гляди, ба!

– Ой, откуда?

– Из соседнего дома. Люди библиотеку ликвидировали, – крикнула из кухни женщина. – Сортируйте по-быстрому и мойте руки, я на стол накрываю!

После обеда хозяйка квартиры выложила на прикроватную тумбочку три книжки малого формата в мягких обложках и с однотипным рисунком: яркими красавицами в пыльных объятиях мускулистых мачо, и удовлетворённо пробормотала:

– Это на сегодня. Живу! И не хихикай, я в чтении забываю обо всём. Воображаю себя здоровой, молодой, желанной. Как я преодолеваю все невзгоды и с радостным любопытством гляжу в будущее! Попробуй, почитай, это так оживляет!

– А меня раздражает! Язык примитивный, ситуации

нежизненные.

– Вот только про ситуации не надо! Любовь, ненависть, измены, спасения, болезни, соперничество, самопожертвование, потеря близких – всё это из жизни. Из твоей, из моей, из любой!

– Так ведь жизнь человеческая разнообразием не блещет. В литературе вообще существует всего тридцать шесть сюжетов. Это сто лет назад посчитали: любовь, потеря близких, месть и далее по списку, что вы перечислили. Придумать историю – это ещё не литература. Пока ею мужики занимались, да ещё немногие женщины, в голове которых были не только чувства, но и мысли, и чуткий взгляд, литература была литературой. А когда наступила всеобщая грамотность, в писательство ломанулись скучающие женщины. Сидела такая молью потраченная старушка и за копейки книжки в библиотеке выдавала. Выперли её на пенсию, и решила она самореализоваться. Это же не сложнее салата. Ставишь перед собой тридцать шесть баночек – и погнали! Самый популярный рецепт салата называется «Три баночки». В вашем любимом жанре это любовь, измена и месть. А если хочется посложнее – пожалуйста! В эту лохань мы накидаем побольше любви, пару ложек финансовых проблем, щепотку жизненных ошибок, одного беспросветного злодея и одного оступившегося, но способного исправиться юношу. Раскидаем по лохани трёх роковых красавиц, создающих препятствия на пути обретения счастья главной героиней, обладающей неброс-

кой прелестью и внутренним благородством. Заправка будет из крови, пролитой благородным отцом героини, и слёз её невинных детей, подперченная обмороками и провалами в памяти. Остальные баночки трогать не будем, для другого силоса побережём. Салат готов, лопайте, не подавитесь!

Старуха засмеялась:

– К чему такая горячность? Ну, не шедевры, конечно. Но свою функцию выполняют.

– А может, я завидую этим персонажам? Правильно вы говорите, многое в моей жизни было. Только разрешалось не так, как в этих книжках. Из тридцати шести сюжетов отхватила тридцать три несчастья. Бедность? Мне тридцать четыре, а я даже угла своего не имею. Как там героини богатеют? Замуж за богатого выходят. Да, оба мужа были богаче меня. Один жильё отобрал, другой... ох, даже говорить не хочу!

– Я чего-то не знаю?

Собеседница смутилась:

– Да всё вы знаете! Фирмочки его... он за границей, а я банкротчу! Денег на прожиточный минимум, а хлопот – на средний офис. Вот, значит... любовь... ну, эта, слава богу, один раз приключилась и в пшик превратилась.

– Расскажешь?

– Как-нибудь в другой раз. Давно не болит, но как-то неловко за свою глупость. Только и оправдывает, что было мне семнадцать. Ладно, что там далее по тексту? Измена? Всегда удивлялась, как эта идиотка в романе не понимает,

что её обманывают? А сама, наверное, только на тридцатый раз догадалась. Да и то не догадалась, а коллега сказала: «Ты знаешь, что твой пять путёвок купил? Три на твоё имя в Анталию и две на своё на Кипр?» И то я не сразу дуру отключила. Ещё спросила: «Ты это по-дружески со мной обсуждаешь или уже со всем коллективом поделилась?» Когда она глазами заюлила, только тогда сдалась: «Значит, ты за меня мою семейную историю закрыла. Если я с мужем останусь, зная это, тогда меня на помойке нашли. А так бы могла и дальше жить душой слепой». Предательство? С Ирккой двадцать лет считались лучшими подругами. И покинула она меня в самый сложный период. Дальше. У героинь этих изделий после развода всегда находится «прынец», на фоне которого бывший муж меркнет. Ау, твоё высочество, где ты? Да чего там! Романные барышни в обморок то и дело падают – любо-дорого посмотреть. А я как шлёпаюсь? Плохо стало как-то ночью, я на балкон пошла воздуха глотнуть. Помню, дверь дёргаю – и всё! Глаза открыла – а надо мной звёзды. И иней на халате. На следующий день на работе коллега спрашивает: «Ты падала?» Я удивилась, как она догадалась? А она: «У тебя на голове здоровущая шишка». А мне так хреново, что шишку не почуяла, пока не пощупала. В другой раз лицом в пашню завалилась. Ноздри в чернозёме и никакой эстетики! А как красиво болеют эти спящие красавицы! Лежат себе в хрустальном гробу или на кровати с резными ножками и под балдахином да на шёлковых простынях с красивой фарфо-

ровой бледностью на лице. Ни тебе судна под кроватью, ни зонда для искусственного кормления в ноздре! И куда принцу деваться? Только целовать. А тут мочевой пузырь разрывается, а на судно пописать не можешь. И говоришь ты ему, красивому: «Твоё высочество, поставь ради бога уретральный катетер!» Только его, венценосного, и видели!

– Тут ты не одинока, – хихикнула старуха. – Мне ещё и туалет на бок повесили. Представляю себя в страстных объятиях: «Любимая, что это?» «Калоприёмник, дорогой».

– Ну, вот. Чтобы закончить тему физиологических отклонений, напомним случай с посягательством на тело моё белое. Где героиня, отчаянно вырывающаяся из страстных объятий злодея? Даже не попыталась, меня сразу вырвало на него только что съеденным салатом. Так что ситуации в жизни – это вам не сюси-пусси. Ну, и нежизненные описания проявлений страсти: «Трусы белой птицей метнулись по комнате и упали на рояль».

– И что такого?

– Вы не хуже меня знаете, что у неё, такой болезненной, от долгого лежания и интенсивного лечения суставы больные. Вы представляете, с каким кряхтением она их снимает? И колени при этом щёлкают. Не верю, что страсть не поутихнет! А если вспомнить, что она обеднела, то наверняка на белье экономит. И что там с белой птицей?

– Резинка растянута, ткань ползёт, дырки зашиты, трусы заношены, – захохотала старуха. – Убирайся, если меня се-

годня на любовных сценах смех пробыёт, я тебе этого не прощу! Золушка престарелая, блин!

– Одна у меня литературная деталь в жизнь претворилась: фея крёстная, – чмокнув её в щёчку, сказала собеседница, – А если шире брать, встречались хорошие люди и создавали счастливые ситуации как в античном театре: когда выхода нет, появляется бог из машины и спасает. Всё, богиня моя античная, пока, ужин в холодильнике, а я завтра с обедом заскочу!

И полетела по ступенькам вслед за сыном, продолжая перебирать в памяти свои нелитературные жизненные обстоятельства.

Болезнь

Люба Кузнецова хорошо жила. Ну вот правда, пожаловаться не на что. Дети-подростки, девочка и мальчик, как по заказу. Муж у неё хороший. Видный, умный, зарабатывает хорошо. У его матери аптечный семейный бизнес. Это же всё равно как на себя работать! Квартира у них хорошая трёхкомнатная. Конечно, теперь люди состоятельные предпочитают коттеджи строить. Но свекровь сказала:

– Достаточно одного дома на семью. Всё равно всё вам достанется!

Это у свёкров дом.

В общем, всё хорошо было. С какого же толчка жизнь её полетела под откос? Наверное, с травматологии? Нет, скорее, со свекровиной картошки...

Об этом она думала, спеша закончить воскресную уборку. Не субботнюю, потому что вчера был рабочий день. Последний рабочий день. Посуду перемыла после позднего обеда. Поздний – потому что Катя на пляже задержалась, несколько раз пришлось ей звонить. Потом бельё на лоджии развешивала. Потом в Катиной комнате убиралась:

– Катя, ну можно ли так вещи разбрасывать! И почему постель не заправила?

– Мам, не нуди!

Себе можно признаться в том, о чём давно твердит её по-

друга Ирина: всех своих она слишком избаловала, оправдываясь тем, что легче сделать самой, чем стоять над душой у детей и мужа. Но теперь им поневоле придётся обслуживать себя самим. А с мужем... ей и глядеть на него не хочется. А надо поговорить. Только вот он тоже на неё не глядит. И не слышит. Вот за обедом опять детям говорит:

– В Анталии вы...

– Ты что, уговорил маму лететь с ними?

– С ними полетит их мать, – отчеканил Сергей.

– Да вроде я их мать, но я собираюсь в это время в больницу...

– Прикипело тебе в больницу! В другой раз поедешь! Детям надо отдохнуть!

– Мне, наверное, тоже надо отдохнуть. Только юг мне вреден.

– Глупости! Мама – медик, ей лучше знать.

– Да знайте вы с мамой что хотите, но в Турцию я не лечу!

Люба сунула свою тарелку в мойку и ушла в ванную. Вслед ей Катя заныла: «Ну, мам!», а Сергей, наверное, дочь придержал. Засыпая в стиральную машину порошок, услышала:

– Не обращай внимания, покапризничает, а всё равно никуда не денется. Деньги-то уплачены!

«Ага, и какие деньги! Дети ещё про Кипр не знают», – подумала она горько.

На удивление сегодня Сергей никуда не смылся. Смеялся с детьми, они сидели втроём и что-то выискивали в интерне-

те. Правильно, папе надо заниматься собственными детьми, тем более, мамы не будет... по крайней мере, в ближайшее время. Люба зал, где сидели дети с отцом, оставила напоследок. Закончив всё, зашла с пылесосом и сказала:

– Ну, всё, освободите помещение минут на пятнадцать.

– Ну, мам, давай потом, – отмахнулась Катя.

– Без проблем. Потом, как закончите, пропылесосишь и протрёшь пол.

– Ну, мам! Ну, вечно ты всё испортишь!

Катя оттолкнула кресло и вылетела из комнаты. Денис побежал за сестрой. Сергей встал и сказал:

– Как ты нас всех достала! Психопатка!

Люба пожала плечами и включила пылесос.

Закончив уборку, она присела на кухне, перебирая в уме, всё ли собрала. Ох, а анализы в стенке остались! Она кинулась в зал, вытащила коробку с документами. Пересчитала бумажки и перевела дух: порядок! Повернулась и увидела: сидя за компьютером, все трое по очереди запускали руку в пакет с чипсами. Они уже столько просыпали мимо, что, когда ноги переставляли, под ними хрустело.

– Боже... ну как так можно!

– Ладно, мам, потом уберёшь, – сказал Дениска.

Сергей и Катя захохотали.

– Денис, а ну-ка, встал и за веником.

– Не пойду!

– Пойдёшь, – она подошла к нему и мягко взяла за пле-

чи. – Ты ведь не хочешь, чтобы мама считала тебя свиньёй?

– Мам, но ведь все мусорили!

– Ну, и все свиньи... кроме тех, кто убирает.

– Катька, хрю-хрю, – Денис показал сестре язык и победил за веником.

– Нельзя было твою воспитательную работу в другое время провести?

– Можно было. Если бы ты её провёл. Но ты за пятнадцать лет ни разу за неё не брался.

Прибежал Денис и стал заметать крошки на совок, дразня при этом сестру: «Катюха – хрюня!» Катя злилась, а злость сорвала на родителях:

– Если дети – свиньи, значит, родители кто?

– Не злись, дочь, я тут одна не свинячу, потому что свинарка.

Всё собиралась поговорить с семьёй, но поняла, что не сможет. Да и что она им скажет? Что не ждёт от жизни ничего хорошего? А что в жизни было хорошего? Только рождение детей. Ладно, если останется жива, то поговорит с ними. Им поневоле придётся теперь обслуживать себя самим, Любе-то после операции нельзя будет ни тяжести поднимать, ни наклоняться. А Сергей пусть валит к маме, к Свете, да куда угодно! Жить с ним она не будет!

Утром тихо собралась и пошла на первый автобус.

Вечером ужасно хотелось спать. Люба вышла к сестринскому посту и попросила:

– Мне анестезиолог сказал, что на ночь реланиум уколют. Нельзя ли пораньше сделать, я спать хочу невыносимо. Засну – а тут вы со шприцем.

– Да не нужен вам никакой реланиум. С ним не заснёте. Вон, микстурка на столе, налейте себе грамм пятьдесят.

Тут Любу накрыло баранье упрямство: врач назначил, значит, надо делать. Медсестра пожалала плечами: как пожелаете. Ну, и накаркала, Люба до утра глаз не сомкнула. Может, из-за укола, а может, из-за звонка дочери в одиннадцатом часу:

– Мам, ты когда придёшь?

– Ложись спать, Катя. Я не приду. Я в Уремовске.

– Вы что там, с папой? Что вы там делаете?

Ха! Три раза ха-ха! Он теперь и дома не ночует! Люба прислушалась к себе и не почувствовала ни обиды, ни возмущения:

– Нет, Катя, он собирался ехать, но, наверное, раздумал. Завтра он придёт домой. Там в холодильнике к обеду всё есть. А на ужин сами сообразите что-нибудь с ним. А если не сможете, сходите к бабушке, она накормит.

– А ты что, не приедешь?

– Да, я задержусь недели на две.

– Как? А Турция?

– Какая Турция, дочь, я в больнице. Проси бабушку, чтобы с вами поехала.

– Ма-ам, бабушка там жизни нам не даст! Ну, приедь по-

раньше!

– Нет, раньше я не смогу приехать, меня оперируют завтра. Катя, не ной, не трепи мне нервы. Лучше отцу потрепи. Попросись с ним на Кипр.

– Какой Кипр? Он едет на Кипр?

– Ну да, по делам фирмы. Собирается взять с собой... одного сотрудника. А ты попроси его тебя взять. Вроде как секретаршу.

Катя взвизгнула восторженно и отключилась. Ну вот, пусть теперь Серёжа выпутывается.

– Открываем, открываем глаза! Люба, не спать!

И Люба старательно таращится на потолок. В поле зрения всплывает толстощёкое лицо. Со стороны звучит мужской голос:

– Ну, порядок. Освобождайте операционную.

Гремят носилки. Любу не очень нежно перекидывают на них и везут по длинному полутёмному коридору. Когда носилки, дёрнувшись на стыке, въезжают в ярко освещённый лифт, сознание отключается. Выныривает из небытия она уже в палате. Её перекладывают на койку и прикрывают простынёй. Люба видит, как на спинку кровати медсестра бросает её халат.

– Любочка, – это Лена говорит, её вчера прооперировали. Она напротив лежит. Свесила голову с постели, вытянула шею в её сторону. – Что так долго?

Опять провал. Окончательно в себя Люба приходит, когда

уже совсем темно. Входит дежурная сестра, включает свет и делает всем уколы. Дальше сон – не сон, а какие-то качели, то отключение, то бодрствование. Болит не живот, а спина. Это из-за мягкой прогнувшейся сетки. Как хочется перевернуться на бок или на живот! Но пока нельзя. Им и уколы из-за этого делают не в филей, а в переднюю часть бедра. Ещё почему-то очень болит верхняя губа. Люба трогает её языком и определяет там большую болячку. Прикусила она её, что ли? Першит в горле, а кашель отдаётся в животе. Шустро склоняется над ней Лена, суёт ей в рот корку лимона: «Пососи, смягчит». И перемещается к соседке: «Судно подать?» Какая молодец, уже бегают!

Часов в пять утра Люба решает: будь что будет, но лежать уже сил нет. Медленно встаёт, перетягивает живот ситцевым платком, набрасывает халат и выходит в коридор. Когда с блаженным выражением лица она возвращается в палату, её встречают изумлённые глаза подруг по несчастью:

– Люба, ты куда ходила?!

– Куда-куда! А то не ясно!

А на утреннем обходе спрашивает, можно ли вставать. И соседки по палате смеются. Теперь уже с разрешения врача Люба прохаживается между кроватями, потом вспоминает о телефоне и достаёт его из сумки. Когда включает, не успевает взглянуться в череду не отвеченных звонков, откликаясь на вызов начальницы:

– Любовь Эдуардовна, вы где?

– Я же говорила... в послеоперационной палате я.

– Прооперировали?

– Выпотрошили...

Маргарита Андреевна – дама холодная, не сказать, что надменная, но отстранённая. Держит дистанцию с подчинёнными, никогда не переходя на «ты» и называя всех по имени-отчеству, даже двадцатилетних девчонок. За те несколько лет, что Люба в этом банке работает, у них ни разу не было разговора о чём-то кроме служебных вопросов. И вдруг начальница её удивила:

– Любочка, я через это пять лет назад прошла. Мне кажется, опухоли по женской части едва ли не у каждой третьей бывают в возрасте между сорока и пятьюдесятью. Жаль, конечно, что тебя это в молодости настигло. Но всё равно, слава богу, что самое опасное позади. Будут ещё послеоперационные сложности, но главное – жива!

– Спасибо, Маргарита Андреевна.

– Я почему тебе звоню? Твои тебя разыскивают. Сынок вчера прибежал, дочь звонила. А сейчас супруг твой к управляющему прошёл. Ты что, никому ничего не сказала?

– Я пыталась.

– Как же так, Люба?

– Ой, да бросьте! Я знаю, что вы сплетни не одобряете, но по банку уже месяц эту сенсацию пережёвывают, что мой супруг пять путёвок купил: три в Анталию для жены и детей и две на Кипр для себя и секретарши. Про Турцию я ему

сразу сказала, что не поеду, что мне под южное солнце нельзя, а в больницу надо. А он – что мне в больницу не надо, у него мама медик, она лучше знает, что мне надо. И детям твердил: вы поедете с мамой, никуда она не денется!

– Вот сволочь! А по поводу Кипра?

– Я ничего сгоряча не делаю. Понимаете, они с мамашей своей могут сказать: ушла от мужа – справляйся сама. И не принять детей на время моего стационара. Опередив, уедут всей своей семейкой, чтобы выставить меня кукушкой, бросившей своих детей. А я останусь с детьми, но при своей опухоли. Поэтому мы три недели вели разговор слепого с глухим. Но уехала я первой, оставив детей мужу.

– Ты безоговорочно решила разойтись?

– Такого не прощают. Я себя не на помойке нашла.

– Я поняла тебя, Люба. Всё, пока, управляющий вызывает.

Прооперировали вчера троих. Двое только к вечеру попытались встать, постояли у койки и снова залегли. А Люба весь день то полежит, то походит, а к вечеру вываливается в коридор, где воздух не в пример свежее, и шаркает из конца в конец. Санитарка, везущая на тележке тюки грязного белья, качает головой:

– Ну, ты скаженная, вчера в реанимации до четырёх часов откачивали, губу вон как порвали, а сегодня уже кросс даёшь. Ох, и живучи русские бабы!

А на завтра приезжает свекровь.

Она зашла в палату, когда Люба с Леной ушли в ванную.

Конечно, рано им мыться, но дни стоят жаркие, и плюс к тому окна палаты на солнечную сторону. Так что вернулись они освежёнными и в приподнятом настроении, даже смеясь. И первое, что увидели – мадам Кузнецову, стоящую в проходе между кроватями и брезгливо разглядывающую смятую постель Любы.

Выдержав театральную паузу, свекровь приступила к экзекуции:

– Ну? Что это за своеволие? Тебе лечение назначено отличным врачом, а ты решила сама себе диагноз поставить? Да ты знаешь, какой объём ампутации тут практикуется? Отрежут всё, и никому ты будешь не нужна!

– Софья Семёновна, зачем моим детям это всё, что отрезали?

– Это ещё что? Какая я тебе Софья Семёновна? И не строй из себя дурочку, ты и так недалёкого ума! Мужу своему ты будешь не нужна! Что за капризы! Ей на отдых большие деньги потрачены, а она кочевряжится! Нет, это какой надо быть идиоткой, чтобы согласиться на такую операцию, лишь бы мужу досадить!

– Чего вы от меня хотите?

– Собирайся! Там внизу отец нас дожидается! Если через пять минут не будешь готова, поедешь домой на рейсовом автобусе! Стой! Что ты там про Кипр Катьке сказала?

– А что, не должна была говорить? Вы же приличная семья, хорошо ли, если ваш сын с любовницей на отдых отпра-

вится до развода? Пусть лучше с дочерью пока съездит. А уж поженятся – тогда хоть на полюс.

– Какая любовница? Какой полюс? Ты что несёшь?

– Ой, да не притворяйтесь! Он же путёвки в агентстве дочери вашей подруги Ксении купил! Весь город уже месяц это обсуждает, а вы делаете вид, что так и надо!

Свекровь схватила за телефон:

– Ксень, ты про путёвки на Кипр слышала? Что ты мямлишь, я же всё равно узнаю! Что?! А за сколько? Да я вас всех поубиваю!

Она бросила трубку в сумку и рыкнула:

– Ты, дура, почему мне сразу не сказала? А лучше бы промолчала. Ну, гульнул мужик, не ты первая, не ты последняя. Наоборот, причепурилась бы, а то вон... растолстела, выглядишь старше меня. Если мужик загулял, баба виновата!

– Растолстела я от гормонов, которые ваш отличный специалист назначил. Да и на кой мне нужен мужик из-под чужой бабы? Только развод!

– Дура! Пробросаешься!

Люба вышла из себя:

– Да, я дура. И такой умной, как вы, не буду. Как-нибудь своим умишком проживу, и за гуляку цепляться не буду, рискуя триппер подцепить!

Некоторое время Софья Семёновна шумно пыхтела, пытаясь справиться с негодованием. Потом прошипела:

– На коленях передо мной ползать будешь, чтобы мужа

вернуть!

– А зачем? У нас полное согласие: я ему не нужна, а он мне не нужен. Пусть живёт с юной красоткой.

– Никакого развода! А если разведётесь, детей ты не получишь!

– Они сами будут решать, с кем остаться.

– Нет, моя милая, это суд решит. У тебя жилья нет! Квартира ваша на мне записана!

– Когда я за вашего сына вышла, у меня была двухкомнатная квартира. Вы её стоимость в свой дом вложили.

– Не докажешь!

Люба устало махнула рукой и присела на кровать:

– Даже спорить не буду. Ограбили сироту – вам этот грех нести. Что жильё жалеть, когда вы и здоровья меня лишили... а может, и жизни. Я благоприятного диагноза не жду... хоть и надеюсь. Детей против меня настроить? Да запросто! Только много ли вам самой жить осталось? Вы, вроде, верующая? Куда воры и клеветники после смерти попадают?

Свекровь фыркнула ей в лицо, развернулась и хлопнула дверь.

– Люба, что это было? – спросила Лена после минуты гробового молчания всей палаты.

– Бывшая свекровь. Да ну её к чёрту!

– Как она тебя собралась на третий день после операции домой увозить?

– Не знаю, – озадачилась Люба.

– Да вы, девки, что ль, не поняли, – с кряхтением заворочалась на кровати самая старшая из обитательниц палаты Шура. – Влетели все такие из себя лошади здоровые. Ржут, полотенца на головах! Кто бы подумал, что у вас пузы разрезаны!

– Люба, а почему ты сказала, что она тебя здоровья лишила?

– Мне почти год назад сказали, что надо оперироваться. А она меня к заведующей отделением, своей подруге, привела. А та: киста маленькая, ничего не надо. Гормоны мне назначила, я с ноября восемь килограмм прибавила. Дура я и есть, что её послушала. После картошки надо было расплеваться с ней!

– Какая картошка?

– Известно какая. С огорода.

– Рассказывай!

Ну, Люба рассказала.

Прошлая осень дождливая выпала. Всё Софья Семёновна нудила, что картошку надо выбирать. Но как соберётся – дождь. Дотянула до середины сентября. И тут объявила: чтобы в субботу все были!

А у Любы, пожалуй, с конца лета болезнь начала становиться заметной. Не боль, нет. Просто как-то постепенно силы стали утекать. Головокружение, слабость. Она списывала это на то, что в последнее время критические дни выросли до критических недель. Хотелось в выходные лежать в тёп-

лой постели и не двигаться. Но мамина картошка – это святое! Плохо тебе? Не выдумывай!

В субботу Катя отцу заявила: «Я картошку не ем, и вообще, мне надо к контрольной готовиться». И смылась к подруге. Люба её не осуждала, нет. Хватит того, что на ней все ездят. Нет, из дочери она не позволит Золушку делать! И Дениску она дома оставила, у него насморк. Сергей, кстати, тоже уклонился. То есть Любу он привёз, но у папы в машине что-то стучит. Поэтому они сели в машину Сергея и уехала за какой-то деталью. А на распаханые грядки вышли Люба, свекровь, её давняя подруга Ксения и соседка свекрови.

Через полчаса свекровь ушла обед готовить. Минут через десять тётя Ксения смылась – подруге помогать, наверное. В общем, работали они вдвоём. Что дальше было, Люба не помнит. В какой-то момент, подняв ведро, соседка уронила его, обнаружив, что Люба неподвижно лежит, уткнувшись лицом в рыхлую влажную землю. Она кинулась к ней, но не смогла поднять. Вызвала скорую.

Когда скорая приехала, уже вышедшая из дома свекровь заявила, что зря их потревожила соседка-паникёрша. И уже Люба сидела на земле, отхлёстанная по лицу Софьей Семёновой, и пыталась собрать мысли в кучку. Фельдшер только спросила: «Ты не беременна?» и повернулась уезжать. А водитель скорой помощи Коля взял Любу на руки и понёс к машине. Пыталась ещё верещать свекровь, но тут уже фельдшерница сказала, что не возьмёт на себя ответственности,

бросив необследованную пациентку с тревожными симптомами.

Потом уже, спустя несколько месяцев, встретив Любу у процедурного кабинета, где ей гормоны кололи, фельдшерница объяснила, почему вдруг так резко поменяла мнение. Колю в городе звали Ведьмаком. Он на спор с мужиками диагноз ставил без всякого обследования. Просто прикоснётся к человеку и говорит, к примеру: «Язва желудка!» И ни разу не ошибся! Так что, когда он Любу на руки взял, фельдшер уже точно знала, что Коля плохое почувал: «Тебе же в области назначили операцию? Что ты тянешь?» И у Любы сердце заныло. Ведь точно, в школьные годы Коля как-то её подружке Иринке, упавшей, когда они на лыжах зачёт сдавали, велел не двигаться, пока медицина не приедет, мол, у неё перелом, а от нагрузки будет смещение. Конечно, Ирина попыталась встать. И смещение было. А Любе Коля тогда в машине сказал: «Онкология у тебя, Любаня. Смотри, не запусти болезнь».

– Да ладно тебе, Люба, – сказала ей Лена. – Любите вы, утятинские, во всякую чертовщину верить.

– Я бы и не поверила, – ответила Люба. – Только бабушка моя умерла от рака яичника, не дожив до пятидесяти. А мама с тем же диагнозом не дотянула до сорока. Я уже тридцатник перемахнула. Представляешь, как я жду результатов гистологии?

Бог из машины

Люба прошла мимо сидевших на скамейке у подъезда двух старух, поздоровалась и стала медленно подниматься на свой четвёртый этаж. Передыхая на каждой лестничной площадке, доплелась до своей и остановилась передохнуть, вынимая ключи из сумки. Ключ почему-то не входил. Господи, да они замок сменили! И второй тоже... вся дверная фурнитура была прежде белого металла, а теперь обе личинки жёлтые. Значит, свекровь начала свои военные действия. Интересно, где сама-то? С детьми уехала? А Сергей с любовницей?

После операции Любе ни разу не удалось поговорить с детьми. Телефоны были вне доступа. Ни мужу, ни свёкрам звонить она не хотела. Позвонила Ирине, попросила узнать насчёт детей. Та заверила её, что с детьми всё нормально, судя по тому, что вчера они с Сергеем заходили к ней брать справку об эпидокружении. На удивление подруга разговаривала сухо, даже не спросила, как Люба себя чувствует. Может, неудобно разговаривать? Ох, дети живы-здоровы, и ладно. Скорее всего, бабка что-нибудь им сплела о матери или симки поменяла, с неё станется. По приезде Люба поговорит с детьми и разберётся с Софьей Семёновной.

И вот новая оплеуха от судьбы. А ведь когда лечащий врач пригласил её в смотровую и сухо сообщил, что ей надо за-

брать стёклышки с анализами и отправляться в областную онкологическую больницу для дальнейшего лечения, она даже не дрогнула, сказала «спасибо» и пошла собирать вещи. Всё давно продумано и решено. Она будет твёрдой, она ещё поборется за жизнь. Ну, установлен срок её пребывания на земле, но ещё никому бессмертия не обещали. По телефону записалась на приём на завтра и отправилась домой, чтобы отмыться, перестирывать вещи с себя, собрать то, что потребуются в новом стационаре... и немного поплакать, пока дома никого нет. А тут такое!

Что делать? Набрала Ирину. Та звонок сбросила. Значит, на приёме. Кому ещё можно позвонить? Тут кто-то сам позвонил. Маргарита Андреевна. Спросила, когда выписывают. Ответила, что уже приехала и стоит перед дверью собственной квартиры, в которой замки сменены. Начальница сказала, что сейчас примчится и поможет дверь открыть. Пока они разговаривали, вышла из соседней двери свекровина подруга Ксения и уставилась на неё презрительным взглядом. Кто-то шелестел наверху. Это перегнулась через перила ещё одна любопытная соседка. И ещё супружеская пара с их этажа по лестнице поднимается. Очень хорошо, с Ксенией лучше при свидетелях разговаривать!

– Тётя Ксения, вам новые ключи не оставляли?

– Нет. А если бы оставили, не дала бы!

– Хорошо. Значит, не зря мы МЧС вызвали. Сейчас придут и дверь вскроют.

– Что? Ах ты... ты права не имеешь!

– Моё право в паспорте полицией проштамповано, вам ли не знать!

Ксения шумно выдохнула, но оскорблять при свидетелях не рискнула, развернулась и хрястнула дверью.

– Сейчас вынесет ключ падла старая, – раздался старческий голос сверху. – Люба, а ты где пропадала?

– В областной больнице лежала, – ответила она.

Подошедшая к собственной двери соседка развернулась и обняла её:

– Что с тобой? Выздоровела? Тут твоя свекровка такую пургу гнала!

– Ты зачем это говоришь, хочешь человеку приятное сделать? – набросился на неё муж.

– А то Люба не знает, какая она сука, – последовала реплика сверху.

– Это точно, – согласился сосед. – У неё кличка в народе по инициалам «Эсэс». Как есть она эсэсовка!

– Вы постойте, пожалуйста, свидетелями, – попросила Люба. – А то ведь Софья Семёновна потом скажет, что я рояль и сундук с золотом из дома вынесла.

Хлопнула дверь подъезда. Кто-то ещё поднимался по лестнице. Через минуту новый хлопок. И ещё. Застучали по ступенькам каблучки. Это наверняка Маргарита Андреевна, в их доме ни у кого такой бодрой походки нет. Точно, они поднялись одновременно, тяжело ступающий свёкор, кото-

рому явно соседка позвонила, и она, лёгкая, изящная и деловитая:

– Все собрались? Будем вскрывать?

– И для чего ты этот спектакль устроила, Люба? Трудно было заехать? – набросился на неё свёкор.

– Да с какой стати? Или я не в собственный дом пришла? Правда, Софья Семёновна сказала, что эта квартира как была в её собственности, так и осталась, и что деньги за мою квартиру вы в строительство своего дома вложили, я теперь не докажу.

– Как же так, Люба? Весь же город об этом знает, – сказала одна из старух, что прежде у подъезда сидели, а сейчас вслед за Кузнецовым пришли. Она из дома напротив, где Люба выросла и откуда замуж выходила. – За что они с тобой так?

– А нечего было от семьи сбегать, – высунулась из своей двери Ксения.

– Ага, от семьи сбежала, чтобы поблудить и татушку набить, – без стеснения опустила она пояс юбки, свободно болтавшейся на её усохшей после операции талии, и показала сморщенный и раскрашенный зелёнкой шов на животе. – Завтра в онкологию поеду, чтобы догулять.

– А они её имя полощут, бессовестные, – ахнула молодая соседка. – Правду ты, Вовка, сказал, эсэсовцы они!

Старший Кузнецов засопел и повернулся к двери, загремев ключами. А когда зашли в прихожую, тихо сказал:

– Может, не стоит концы обрубать так решительно, Люба?

– Не так я концом Сергея дорожу, чтобы членовредительством заниматься, – громко ответила она. – Не обрублю, пусть при нём остаётся!

– Люба, неужели ты за квартиру биться не будешь? – спросил сосед.

– Сколько мне той жизни осталось, чтобы на барахло её тратить! А потом, есть поверье, что с ворованной вещью вору беды переходят. Так я не прочь с бывшей свекровью поделиться. Надо бы все свои вещи забрать, а то Софья Семёновна из вредности выкинет или спрячет. Только куда всё?

Соседка по старой квартире решительно зашла в зал и скомандовала:

– Книжки-то дедовы? Забери, сохрани, они ценные. Комодик вон в прихожей Катин, память мамина. Ты знаешь, как мои молодые уехали, у меня свободно. Что громоздкое, тащи ко мне. Одежду в сумки сложи. Если сумок не хватит, коробки в магазине попросим. Вов, поможешь перетащить? И живи у меня хоть год, не чужие, чай.

Люба рукой нащупала кресло и присела на него. Маргарита Андреевна схватила со столика яркий журнал и стала её обмахивать:

– Сиди, не двигайся. Можешь на диван прилечь. А я пойду тряпки упаковывать. Женщины помогут. И ночевать ты у меня будешь. Я тебя утром на нашей машине в Уремовск отправлю.

Спала она в эту ночь на удивление крепко. Может, потому,

что поплакать было негде.

И на следующий день плакать было негде. Она вышла из врачебного кабинета и села в ожидании направления. А в кабинете ей сказали, что процедуры облучения три раза в неделю, поэтому нет смысла предоставлять ей место в стационаре. Все пациенты приезжают из дома.

А у Любы нет дома. Надо снимать квартиру, не садиться же на шею тем, кто её приглашал из вежливости. Раньше бы она к Ирине напросилась, всё-таки подруга ещё со школьной скамьи, живёт одна... но что-то у неё происходит. Да что бы ни происходило, Люба никогда бы не бросила подругу во время тяжёлой болезни! Нет, к Ире она не обратится и звонить не будет!

Вышла медсестра, передала бумаги. В это время проходящая мимо женщина остановилась и неуверенно поздоровалась. Люба взгляделась: что-то знакомое, но в её состоянии не вспомнить.

– Вы извините, но я немного расстроена... не вспомню.

– Тётя Клава я.

– Господи, вы же блондинкой были!

Сестра свёкра, яркая самоуверенная женщина, вдова полковника. Любительница модных тряпок, высветленные волосы, уложенные в затейливую причёску – где всё это? Сейчас это была осунувшаяся бесцветная старуха с тёмными с проседью гладко зачёсанными волосами. Люба порывисто её обняла:

– Я рада вас встретить. Вернее, не так... глупо радоваться, что человек в таком месте оказался. Я о том, что вы с Кузнецовыми разругались, а я тоже с ними разругалась.

– А Серёжа?

– Мы расходимся.

– А как же дети? Пойдём, посидим, и ты всё расскажешь.

Они вышли из поликлиники, и тётя Клава повела её не к выходу с территории онкодиспансера, а куда-то за здание:

– В беседках тут мужики из стационаров курят, там вонь, наплёвано, а тут под ивой есть уютная скамейка...

Отодвинула свисающие пологом ветви и устроилась на скамейке. Люба присела и закрыла глаза:

– Боже, как хорошо! А в многопрофильной больнице во дворе только и можно, что мотаться от приёмного покоя до морга и обратно!

– О, так тебя оперировали с привилегией! Там шов штопают художественно, а тут зашивают грубо, как в морге, всё равно путёвка туда уже выписана!

– Чего там, диагноз-то у нас с вами один, бикини в гроб не наденешь.

– Ладно, хватит кладбищенского юмора, давай рассказывай.

Выслушав краткую историю её болезни, тётка мужа сказала:

– Буду неделикатна, но болезнь – это единственное, что могло тебя из твоей летаргии вывести. Мы, конечно, уже

несколько лет не виделись, но в те времена мне иной раз хотелось тебя побить.

– За что?!

– Ты половой тряпкой перед ними пласталась! Сонька тебя постоянно унижала, а ты ей: «Мама!» Муж абсолютно не учитывал твоих желаний. Дети твои, не знаю, как сейчас, но тогда они были капризными барчуками.

– Да и сейчас... вы правильно говорите, я как во сне была. Но теперь...

– Ну, дай бог нашему теляти волка сожрати. Ладно, встали и пошли! Поживёшь у меня.

– Тётя Клава...

– Да брось! Мы с тобой подруги по несчастью, ты мать моих внучатых племянников и жертва моей любимой невестки. На облучение будешь ездить от меня. Десять дней будем друг к другу притираться. Я не сомневаюсь, такая Золушка, как ты, даже с такой мегерой, как я, уживётся. Потом я химиотерапию буду проходить в стационаре. А ты спокойно поживёшь в моей квартире одна. Потом сама в стационар ляжешь. У нас с тобой разрыв в лечении примерно месяц.

– Спасибо. Только давайте я заплачу за квартиру.

– Ты меня не зли. Я уверена, что у тебя кроме зарплаты никаких накоплений. Ты в гостях, значит, живёшь у меня и ешь моё. Не стесняйся, у меня кроме пенсии есть дополнительный доход. Куда мне его тратить? Чужой жизни не купишь, а всего остального у меня в избытке!

Вот так сразу решился вопрос с жильём. Тётка мужа, с которой она за шестнадцать лет свойства виделась считанное количество раз, вдруг оказалась её спасительницей. По дороге Люба судорожно вспоминала, что вообще знает об этой родственнице. Свёкор при ней никогда ничего о сестре не говорил. Свекровь – та отзывалась о ней крайне недоброжелательно. А вот что конкретно предъявляла? Молодится, заносчива, мужа ни в грош не ставила... ну, это, положим, и к Софье Семёновне приложимо. Бездельница, недалёкая, работала в какой-то конторе за какие-то копейки, конечно, муж зарабатывал, можно было не упахиваться... это, понятно, и в огород собственного мужа камушек. Богатая, наследство от родителей, а потом от мужа. А от мужа-то кому ещё наследство могло перепасть, Кузнецовым, что ли? Но это теперь Люба так её предъявы комментирует, а тогда что же не возразила?

Да, богатая. Квартира в самом центре, на Ленинском проспекте, но второй корпус, в глубине двора, где не шумно и не пыльно от транспорта. Дом сталинской эпохи, с колоннами и лепниной. Широкая и пологая лестница. В лестничный пролёт лифт встроен. Это в четырёхэтажном доме! У входа будка консьержки. Тётя Клава ей Любу представила:

– Это моя племянница. Приехала мне помогать на время болезни. Она здесь надолго. Прошу любить и жаловать.

Квартира двухкомнатная. Но какая! Потолки почти четырёхметровые. По коридору можно на велосипеде разъезжать.

А комнаты!

– Это сколько же здесь метров, – вырвалось у неё.

– Семьдесят два, – ответила.

Люба хотела извиниться, но поняла, что хозяйка даже до-вольна её удивлением, она гордится своим жильём.

– Здорово! У нас в трёхкомнатной пятьдесят шесть... было.

Тётя Клава обняла и подтолкнула к дверям:

– Диван в зале – твой. Вещи вот сюда будешь складывать.

Пока у тебя нет ничего с собой... да, непорядок. Не дело, что барахло у чужой старухи. Перевезёшь сюда, мы с тобой под них кладовку освободим.

– Да ладно, тётя Клава!

– Ничего не ладно. У нас сейчас антреприза московская комедию даёт. А тебе даже надеть нечего. Давай-ка по магазинам пробежимся, а? Я финансирую!

– Не нужно! А вот в парикмахерскую я хочу. Мне в очереди у кабинета одна пациентка посоветовала коротко постричься. А то, когда химия начнётся, волосы ползут и будут на полу ковром лежать.

– Так это ещё нескоро!

– Я с замужества с длинными волосами. Хочу радикально имидж поменять. Сейчас каре сделаю, а к химии – совсем короткую стрижку.

– А этот настрой мне нравится! Пострижёмся обе! Тем более, мне-то короткая стрижка уже через десять дней по-

требуется.

Но из парикмахерской тётя вернулась расстроенной:

– Мой же мастер! Всегда меня так укладывала! А обкорнала под тифозного мальчика. Тебя вон практикантка стригла, а какая прелесть! Парик, что ли, купить?

– Парик купить не помешает. Но не надо спешить, парик рекомендуют выбирать очень тщательно. А давайте мы вам чепчик нафантазируем!

В последующие дни они столько хохотали, сколько Любе, наверное, за всю предыдущую жизнь не довелось. Их поведение было как у девочек-подростков, готовых прыснуть даже на показанный им пальчик. Люба перетрясла тётин гардероб и, вспомнив мамины уроки рукоделия, сконструировала головной убор из двух блузок, трикотажной и кружевной с пайетками. Примерив его, тётя Клава заявила, что выглядит юно и похожа в нём на Эллочку-людоедку. И надела его в театр, куда они отправились втроём, с привезшей Любины вещи Маргаритой Андреевной. Что ещё смешнее, столкнувшиеся с ними две тёткины знакомые старухи с завистью косились на её голову. И тётя Клава представила Любу как племянницу, которая недавно ездила в Париж и привезла ей это чудо в подарок: «Вещь, конечно, не брендовая, но из мастерской довольно известного дизайнера головных уборов. Выставочный образец».

Всё бы хорошо, если бы не поведение детей. Телефоны были недоступны, а когда Люба, приехав в Утятин, перехва-

тила их во дворе, Катя взяла брата за руку и бегом потащила к подъезду. А Дениска из-за двери со слезами прокричал: «Ты нас бросила!» Дело было накануне отъезда тёти Клавы в стационар. Пребывая в неважном настроении, она, тем не менее, совет дала здравый:

– Учебный год начался. Через школу действуй. Учителя, в основном, бабы, и разводов среди них немало. Должна же быть женская солидарность!

Люба только вздохнула: уж Софья Семёновна в школе наверняка договорилась, чтобы ей заслон выстроить! Вспомнила классную руководительницу Дениса, которая перед её бывшей свекровью так заискивала, что только ниц не падала, и пригорюнилась. Но через день подумала: а Люся? Люся, её одноклассница, физику в их школе преподаёт. В школьные годы они не дружили, но ведь и не ссорились. Люся не в разводе, живут они с мужем, вроде, нормально. Как у Любы, у неё двое детей, только они маленькие ещё. Ну, не может же она как мать ей не посочувствовать! Только вот как с ней связаться? Да через школу, как ещё!

Люся, приглашённая к телефону в учительской, ответила сухо:

– Да, здравствуй. Поняла. Давай свой номер, я тебе из кабинета перезвоню.

Люба упала духом. Но учительница перезвонила минут через двадцать:

– Люба, я просмотрела расписание детей, чтобы у них за-

нятия одновременно заканчивались. Тебе удобно будет во вторник подъехать к двум?

– Да, конечно! Ой, у меня же с утра процедура... да нет, я на двенадцатичасовой успею!

– К охране не подходи, позвони мне, я выйду и тебя проведу. И ещё... нет, всё при встрече! Нет... даже не знаю... в общем, Люба, никому не говори о том, что со мной договоришься!

Что там такое случилось, что Люся, такая с детства собранная, блеет и не знает, что сказать? Но главное, что она организует встречу с детьми! А уж Люба найдёт нужные слова, чтобы переломить их настрой!

Остановившись у крыльца школы, Люба набрала номер Люси. Через пару минут учительница выскочила на школьное крыльцо и помахала ей рукой. Приобняв её, потащила мимо охраны. Из вестибюля они спустились под лестницу и нырнули в дверь лаборантской:

– Через десять минут звонок. Посиди, я урок закончу.

Открыла дверь, ведущую в класс, и сказала:

– Ну? Кто-нибудь решил?

После звонка Люба услышала, как загудел класс. Потом шарканье ног, и гул переместился за другую дверь. Люся заглянула в лаборантскую, закрыла дверь, ведущую в коридор, и сказала:

– Жди. Да, Люба, ты с Ириной давно общалась?

И тут до Любы наконец-то дошло!

– Ты имеешь в виду, что Ирина на моего бывшего мужа глаз положила? Да плевать мне на них обоих!

– Так ты знала?

– Нет. Но я обиделась, когда она в болезни меня не подержала. Поэтому давно с ней не разговаривала. А ты боялась, что она нас Кузнецовым заложит?

Стукнула дверь. Люся ушла в кабинет и появилась в дверях, обнимая детей:

– Вот они. Общайтесь.

Катя стала вырываться из её рук:

– Людмила Павловна, вы нас обманули! Денис, мы уходим!

Вот тут Люся показала свой характер. Она вцепилась в плечо Кати и форсировала голос:

– Катя, не включай деточку, тебе пятнадцать лет. Взрослые люди, когда имеют друг к другу претензии, их высказывают, а не дуют губки и не истерят. Вот мама из областной онкологии сорвалась, чтобы с вами поговорить...

– Что?! Мама, у тебя рак?

– Вот что бывает, когда не разговаривают. А ты думала, что мама твоя поехала прыщи прижигать? Всё, общайтесь, – осеклась она, увидев, что Люба отрицательно мотает головой, прижимая к груди заревевшего Дениску. – Я в кабинете. Никто вас не потревожит.

Катя обняла мать и брата и тоже заплакала. А Люба в объятиях своих детей вдруг подумала: «А что это я помирать

собралась? У тёти Клавды кишечник серьёзно затронут, и то не сдаётся. Ещё поживу!» Потом они присели, не разрывая объятий, и Люба отвечала на их вопросы:

– Да, опухоль. Её вырезали, теперь облучают. Потом будет несколько курсов химиотерапии... Это такое лечение, когда человеку вводят всякие яды, чтобы раковые клетки убить... Похудела? Нет, я просто вернула прежний вес. Помнишь, когда я толстеть начала? Когда бабушкина Тамара Анатольевна мне уколы назначила... Бабушка? Нет, конечно она не хотела, чтобы я умерла, когда на операцию не отпускала. Просто она очень уверена в своей подруге Тамаре и в собственных знаниях в медицине. Она думала, что лучше докторов диагнозы ставит... Нет, я на бабушку не обижаюсь. Вам она бабушка родная, а мне абсолютно чужой человек. И я ей чужая дочь, поэтому ей меня не жалко... Папа? Он тоже мне чужой... Нет, я не обижаюсь и не сержусь. Просто брезгую.

– Это из-за любовницы, из-за Светки? Мам, они разошлись, – сказала Катя. – Бабушка её с работы прогнала, папе сказала, что денег не даст. А на фиг он ей без денег? Он же старый. И по путёвке она его с нами в Турцию отправила. А сама с Тамарой Анатольевной на Кипр летала. Мам, возвращайся! Ну, ради нас!

– Катя, скажи, как папа ко мне относится?

– Он хорошо относится, – быстро ответил Денис.

– Хорошо – это как? Он говорит мне добрые слова? Он помогает мне в домашних делах? Он не даёт обижать меня

другим? Он беспокоится, когда я болею?

Денис огорчённо засопел. Катя раздражённо сказала:

– Ты нас обманула! Сказала, что не обижаешься, а сама обижаешься!

– Что было, то было. Я закрыла эту страницу. В нашей семье было так: я обслуживала вас как Золушка, а вы меня не уважали и не ценили. Он часто обзывал меня даже при вас. Нет?

– Он больше не будет, – заныл сын.

– Он будет делать дома всю тяжёлую и грязную работу? Он будет запрещать бабушке называть меня дурой? Он сам не будет так меня называть? Он не будет гнать меня туда, где, он знает, мне будет плохо? Вы верите, что так будет?

– Мама, так, конечно, не будет. Но он будет меняться, – обняла её дочь. – Ну, ради семьи!

– Катя, меньше, чем через два года, ты закончишь школу и уедешь учиться в Москву. Тебя там, вдали, будет греть мысль, что я терплю боль и унижение ради семьи?

– Ладно, я поняла, мы эгоисты. Тогда скажи, как мы будем жить сейчас?

– Если бы папа и бабушка ко мне хорошо относились, они бы не отобрали у меня квартиру, которая осталась мне от моей мамы. Я бы ушла туда. А вы бы жили со мной. И папа бы имел возможность создать новую семью. И вы жили бы рядом с обоими родителями.

– Бабушка сказала, что всё нам достанется, – пробубнил

Денис.

– А мне? Мне где жить?

– С нами...

– То есть в чужом доме и из милости? Дети, а как вы думаете, бабушка может прожить, к примеру, до девяноста лет? Очень даже может. Дай ей бог, конечно, здоровья, но тогда ты, Катя, до тридцати пяти лет своего угла иметь не будешь, если в банкирши не выбьешься или за богача замуж не выйдешь. Кстати, ваш папа тоже богатым считался, когда я за него замуж вышла. Только после развода я бедней, чем в девичестве, стала. А что тебя ждёт при таком раскладе? Бабушка будет решать, с кем тебе дружить и замуж выходить. Будет грозить, что наследства лишит, если не того выберешь. Вашему папе сорок шесть лет, а она до сих пор им манипулирует. Я сейчас глупость сказала?

– Да, бабуля всегда про наследство говорит, – согласился

Денис.

– Она ещё и вас поссорит из-за этого мифического наследства!

– Мама, не забалтывай, – рыкнула Катя. – Как мы будем жить сейчас?

– Я сниму комнату у Татьяны Николаевны. Это в том самом доме, где у меня квартира была. Она меня примет, она с моей мамой дружила. Но... уйдёте ли вы от отца из трёхкомнатной квартиры в комнату?

– Я уйду, уйду, – подпрыгнул Денис.

– В одной комнате втроем? Это невозможно, – надула губы Катя.

– Значит, семья делится пополам. Катя с папой, Дениска с мамой. У мамы зарплата так себе. Катю папа будет хорошо обеспечивать, тем более, что она умеет к нему подластиться. И бабушка, чтобы меня уязвить, будет к ней особенно благосклонна. А Денис будет завидовать. И рано или поздно они его перекупят. Гироскутером, электрическим самокатом, компом каким-нибудь сверхскорым, смартфоном крутым. Вам обоим от всего от этого станет неловко, и начнёте вы меня избегать.

– Мама!

– Я неправду сказала? А ещё... бабушка ваша в городе человек не последний. Стоит ей на моё начальство нажать – и оно меня с работы выдавит. И нигде меня больше не возьмут, потому что Софья Семёновна об этом попросит. Нет?

– Да, ты права, – вынуждена была признать Катя. – Бабушка загнала тебя в угол. Чтобы нам жить вместе, тебе нужно будет унижаться перед ней. И папа не уважает тебя и уважать не будет.

– Вот это уже здравая оценка ситуации. Не скажу, что я в ней не виновата. Я терпела унижение ради семьи. И это меня разрушало. Но я сошлась с вашим отцом почти в твоём возрасте, Катя. Мне было семнадцать. Я не имела перед глазами образца семейной жизни, меня мама одна растила. И, Катя, насчёт любовницы. Не я этот разговор затеяла, но, раз вы в

курсе, так ответь честно. Ты уверена, что до Светы не было какой-нибудь Маши? А после Светы не будет Матильды или Иры?

– Мам, ты знаешь, что тётя Ира к отцу клинья подбивает?

– Ну и что такого? Не она, так другая! Так пусть лучше тётя Ира! Она знает вас с самого рождения, она ваш участковый педиатр. Любить сильно не будет, но и не обидит. И работать по дому научит. На этом мы наше совещание заканчиваем. Как говорят учёные, правильная постановка проблемы – это уже половина решения.

Люба вытащила из сумки пакет с пирогами, и они все вчетвером вместе с Люсей сели пить чай.

– Мама, а ты не из-за того заболела, что тебя по голове Гришка ударил?

– Что такое? – спросила Люся.

– Да ерунда, – отмахнулась Люба. – Там у нас напротив дома на девочку одну напали. Ну, я кинулась её отбивать, а мне по черепу битой...

– Боже! Я знаю, это наша ученица. Родители – алкаши. Они отступного взяли, и дело замяли. Я только не знала, что там ты была. Неужели ты с ними договорилась?

– Я бы не отступилась. Его родители ко мне в больницу приходили, я их сразу послала. Такого прощать нельзя! Но тут мне сказали, что надо срочно прооперироваться, и стало не до того. А действительно, что это меня больше не вызвали?

– Ну, не ошибусь, если...

Женщины переглянулись и кивнули друг другу.

– Что, мам, что? – тербил Любу сын.

– Да что там, с бабулей они всё уладили, – свысока глянула на брата Катя. – Она ведь в больнице тогда на маму шипела, что та ей вечно неприятности доставляет. А мама ей сказала, что своей жизнью торговать не будет.

– Бабушка деньги взяла за то, что Гришка маму ударил? – сделал большие глаза Денис.

– Да нет, конечно, – прижала к себе сына Люба. – Пони-маешь... можно расплатиться не деньгами, а услугами. И не сразу, а в дальнейшем.

– Ага, – ехидно кивнула Люся. – И это совсем другое дело!

– Ладно, замяли, мне эта травма даже на пользу пошла. Сколько бы ещё эту дрянь в себе носила, и на юг бы поехала. Тогда бы точно мне конец пришёл. А в хирургии кровь взяли, а там гемоглобин никуда – ну, и послали на консультацию в область. А там, конечно, дату операции назначили.

– Мама, а почему ты нам не сказала про болезнь?

– Разве?

– Да ладно, Дениска, говорила она, и не раз. Только мы не придавали значения, потому что папа каждый раз перебивал, что она на себя напускает только.

– Люба, а как получилось, что ты в драку ввязалась? Мимо проходила?

– Да нет. Я спала. Я тогда уже каждый день неважно себя

чувствовала, поэтому, как свободная минутка, всё прилечь норовила...

– А папа говорил, что ты растолстела и обленилась...

– Денис! – прервала его сестра, бросив взгляд на учительницу.

– В общем, проснулась от девичьего крика «Мама!». Балкон открыт, а этот шалман прямо напротив, ну, эта развальношка, где алкаши Кожевниковы живут. Меня по сердцу резануло. Бегу, вижу, что Катя дома, а всё равно бегу! Только халат на ночнушку накинула, даже не застегнулась...

– Мама, а почему ты не остановилась, это же не Катя была?

– А что, чужую девочку не жалко?

– Жалко, – сказал через паузу Денис, когда увидел, что все глядят на него и ждут ответа. – Но тебя жальче.

– Эх, Дениска, – вздохнула учительница. – Мама на то и мама, что всегда побежит на этот девичий крик. Такие подонки когда-то её жизнь сломали...

– А я знаю, – сказал Денис, увидев, что мать предостерегающе сжала руку подруги. – Тогда маму папа спас! Они не успели сломать!

– Челюсть сломать успели. Мама ведь тогда только в институт поступила. А пришлось ей сначала в больнице лежать, а потом дома остаться. Тётя Катя, бабушка ваша, её жидкой пищей через трубочку кормила.

– И всё равно папа ей жизнь спас!

– Ну да, ну да, – утешающе пробормотала Люба, обнимая сына.

Катя откликнулась по телефону:

– Да. Мы в школе, Денис контрольную по физике переписывает. Ладно, сейчас, – и, отключив телефон, сказала. – Дедушка за нами приехал.

– Давайте. Я в воскресенье приеду, увидимся у Татьяны Николаевны, – обняла детей Люба.

Когда дети вышли, Люся спросила:

– Люба, что-то не так с этим спасением?

– Да всё не так! Это были приятели Сергея.

– И ты простила?

– Я увидела его с одним из них спустя три с лишним года.

Везла Катю на коляске, уже была беременна Дениской. Этот сразу ушёл. У меня была истерика. А Сергей сначала уговаривал меня, что я ошиблась, но я слишком хорошо запомнила ушные раковины нападающего. Они такие... не знаю, как сказать... очень закрученные и совсем без мочек. Потом уверял, что это совершенно незнакомый человек остановил его и спросил, как пройти к музею. Я поверила. А недавно рассказывала об этом тётке Сергея. И она мне сказала, что такие уши были у его школьного приятеля Вовки. У него кличка была Ушан. Сказала, очень был злобный малый с садистскими наклонностями. Вроде, милиционером стал.

– Ты думаешь, они напали на тебя по наводке Сергея? Но почему избивали так жестоко? Садистская натура мента вовре-

мя остановиться не позволила?

– Может быть. А может, таков заказ был? Чтобы я в институт не поехала? Я ведь потом за героя замуж вышла.

– Ой, смотри, Катины ключи... надо догнать!

– Лучше позвонить.

Они не услышали, как отпрянула от двери и поспешно выскользнула из кабинета Катя, отключив телефон, и побежала на выход, по дороге утирая слёзы. Людмила Павловна нашла её в раздевалке.

– Всё будет хорошо, – сказала она девочке, передавая ключи.

Та кивнула, а выйдя за порог, мрачно сказала сама себе:

– Ничего теперь хорошо не будет.

Харассмент

Окно бухгалтерии выходит на бетонный забор, поэтому в комнате темно. Проснувшись, Люба берёт телефон и видит, что ещё рано, шести нет. Но знает, что теперь не заснуть, и встаёт. Зевая, включает свет, выплёскивает воду из чайника в тазик, наливает свежую из ведра, щёлкает кнопкой и, пока вода закипит, успевает умыться над ведром. Пьёт кофе, одевается и, прихватив помойное ведро, выходит в тёмную прихожую конторы. Увы, в здании ни водопровода, ни канализации. Колонка у дороги, скворечник с дырочкой сердечком на двери – за углом. Ничего, послезавтра выходной, и уже завтра вечером она вволю поплещется в ванне и поболтает с тётей Клавой. Люба не такая уж болтушка, но здесь она за месяц так ни с кем и не познакомилась. Не сказать, что ей очень эти знакомства нужны, но за последние два дня она, наверное, раз шесть произнесла «здрасьте» и один раз «да, холодновато». Этак и совсем говорить разучишься!

Входная дверь чуть подалась, и дальше никак. Зато в щель ворвался снежный вихрь. Ну вот, уедешь тут пораньше! Тот вечером шов на животе как иголкой кололо!

С трудом приоткрыла дверь. Лопатой очистила крыльцо, выкатила снегоуборочную машину и побрела по едва заметной тропинке к первой контейнерной площадке.

Как она оказалась здесь? Просто поняла, что тёте Клаве

она в тягость. Её благодетельница вдовела уже пятнадцать лет и привыкла к одиночеству. А тут совершенно посторонний человек. Люба пыталась убираться, готовить, развлекать пожилую женщину, чтобы быть полезной. Может быть, немного переусердствовала, а может, тётя Клава привыкла всё делать по-другому. Да что там, и сама не сахар медович, так же её тошнит, и приливы, и слабость, и раздражительность. И тогда сказала:

– Тётя Клава, ничего такого. Но если мы ещё неделю с вами в четырёх стенах проведём, то точно подерёмся.

– Бросаешь меня, значит?

– Никогда! Я вам благодарна на всю жизнь, сколько мне её осталось. Но съехать надо, чтобы друг другу нервы не трепать. Я буду два раза в неделю приезжать, продукты привозить, готовить, убираться и так далее, а в остальные дни вы будете от меня отдыхать. По вашему звонку всегда прилечу через полчаса, посёлок ведь всего в десяти километрах от города. Ваша соседка тётя Наташа предложила дворничихой за её дочь там поработать.

– Люба, тебе не по силам эта работа. Снег кидать – это ведь не тополевыи пух мести.

– Вы что думаете, там рабочий инструмент – лопата? Там такая симпатичная снегоуборочная машина типа мотоблока. А лопата и метла – это для мусора. Тёте Наташе шестьдесят, и то справляется.

– Но ты же больная!

– Тётя Клава, мне на свежем воздухе легче, а в помещении тошнит.

Соседкина дочь недавно лишилась работы, будучи уже беременной. Тётя Наташа быстренько оформила её у себя дворником, чтобы в дальнейшем получать все положенные пособия, а убирала, конечно, сама. Но, когда наступила зима, которая в этом году оказалась уж больно ранней – с конца октября снег лёг, старухе пришлось тяжело. Нужно было заменить её хотя бы до декрета. А если Любе будет работа по нраву, то можно будет после этого официально её оформить. Люба с облегчением собрала вещи и отправилась в коттеджный посёлок «Речной».

Это был пригород. Вдоль трассы Уремовск – Новогорск тянулась скучная пыльная деревня Новая Жизнь. Когда-то здесь был совхоз, земли которого постепенно съедал растущий областной центр. Теперь это стало просто пригородным поселением, жители которого по месту работы были горожанами, а по укладу и месту жительства селянами. От трассы узкая, но с хорошим асфальтом дорога огибала Новую Жизнь и вела к бывшему садоводческому товариществу станкостроительного завода. В семидесятые территория товарищества была огорожена бетонным забором, что особенно подняло цены на участки в девяностые, когда воровство стало повсеместным. Поэтому их активно скупали люди небедные, и к настоящему времени садовых участков как таковых на территории осталось лишь несколько десятков.

Но строились на месте прежних хибарок не дворцы, а средние такие загородные дома – те же дачи, только чуть богаче. Не было у жителей не самого большого областного центра стремления постоянно жить на природе. В их представлении особняк – это в черте города. Так что на зиму жилыми оставались тут едва ли пятая часть домохозяйств.

Среди прежних садовых участков был и тёти Наташин, на котором стоял крошечный деревянный домик, построенный ещё её родителями. Здесь она жила с ранней весны и до глубокой осени, благо что место её работы здесь же находилось: она была бухгалтером садового товарищества. Работой своей она дорожила, откровенно высказавшись как-то тётке Клаве, что работа эта «не бей лежачего, да и безопасная: много не украсть и надолго не посадят». Да и возраст – кто её теперь возьмёт? А самое главное, что была возможность из дома уходить, где дочь, зять, внук и второй на подходе. Вот и дочь смогла выручить. И притащили они с её дачи раскладушку в бухгалтерию. Сама же тётя Наташа зимой не утруждалась. Они с председателем делили день пополам, прикрывая друг друга. Так что Люба, управившись на территории, заваливалась на раскладушку и читала детективы или разгадывала кроссворды. Или вязала бесконечные чепчики. Но не в такие дни. Сегодня ей придётся весь день провести на улице.

Только через три часа она, едва передвигая ноги, вернулась к конторе. Снег почти прекратился, но ветер дул по-

прежнему. У конторы дорожку опять перемело, и крыльцо снегом присыпало. На ступеньках следы, значит, кто-то из начальства пришёл. Ага, судя по большим следам, председатель. И за ним ещё кто-то. Но не тётя Наташа, у неё нога небольшая. Ещё один мужик.

Не заходя в контору, Люба смела снег с крыльца и взялась за ручки своей «савраски». Помахала покуривающему на соседнем крыльце охраннику Петровичу: какой молодец, у себя сам размёл дорожку до шлагбаума. Приведя в порядок путь от дороги до крыльца, поволокла свой инвентарь по пандусу. Из дверей высунулся красномордый больше обычного председатель:

– Ку-у-да? Четырнадцатый квартал чисть!

– Кому он нужен? Там только лыжники бывают!

– Рассуждать ещё будешь! Иди давай чисть!

– Сейчас посмотрю, кто там такой богатый, что за зимнее обслуживание платит. И через часок, если задолженности нет, пойду чистить. Дня за три управлюсь.

– Немедленно, я сказал!

В другое время Люба не стала бы спорить. Но сегодня просто сил не было. Поэтому она просто продолжала давить на ручки, толкая машину на председателя. И затолкала его в помещение вместе с инвентарём. Задвинула всё в кладовку и закрылась в бухгалтерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.